

Берестов Игорь Владимирович

**АРГУМЕНТЫ ПАРМЕНИДА ПРОТИВ МНОЖЕСТВЕННОСТИ
СУЩЕГО В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

09.00.03 – История философии

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора философских наук

Новосибирск – 2021

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте философии и права Сибирского отделения Российской академии наук.

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Горан Василий Павлович
Официальные оппоненты:

Защита состоится

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:

Автореферат разослан « ____ » 2021 г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Рассуждения об аргументах против множественности сущего у элеатов часто трактуются как попытки постановки или решения «проблемы единого–многого в античной философии». Обычно считается, что до сократических школ и Платона «проблему единого–многого» пытались решить философы, относимые к элейской школе: Ксенофан, аргументы которого в пользу единого бога могут быть связаны с избранием Парменидом «единого» как «знака сущего»; Парменид, вероятно, доказывавший в своей поэме «монистический тезис» о немножественности сущего (в некоторых интерпретациях речь идёт о немножественности сущего в определённых аспектах, о специфических видах монизма); Зенон Элейский, вероятно, стремившийся обосновать этот же тезис через доказательство неприемлемости позиции тех, кто признаёт множественность сущего; Мелисс, вероятно, пытавшийся доказать немножественность сущего через невозможность отграничить одно сущее от другого – вероятно, используя рассуждение из поэмы Парменида о том, что отграничить сущее от сущего могло бы только не-сущее, но последнее не существует. Также к философам, работы которых интерпретируются как направленные на решение «проблемы единого-многого», многие исследователи относят Анаксагора, Эмпедокла, Филолая, Диогена Аполонийского, Левкиппа и Демокрита.

Один из способов весьма приблизительной формулировки «проблемы единого-многого» может быть представлен в следующем виде. Парменид изложил аргументы в пользу «монизма» некоторого вида. Зенон Элейский и Мелисс также предложили аргументы в пользу «монизма» (того же вида, что и парменидовский монизм, или другого вида). Однако выводы Парменида, Зенона и Мелисса контрастировали с чувственно-воспринимаемым миром, в котором сущее множественно. Это заставило последующих философов (например, атомистов) искать способ согласования позиции элеатов с чувственно-воспринимаемым миром, что нелегко сделать.

В общих чертах, описанный подход к «проблеме единого-многого» разделяется в монографии Stokes M. C. *One and Many in Presocratic Philosophy*. Washington: Center for Hellenic Studies, 1971. ix, 355 p. Однако имеется подход, описанный в монографии Curd P. *The Legacy of Parmenides: Eleatic Monism and Later Presocratic Thought*. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004. xxxix, 280 p. (Originally published in 1998 by Princeton University Press), который противостоит подходу М. Стокса. Подход П. Кёрд можно было бы назвать элиминацией «проблемы единого-многого», поскольку приписываемый П. Кёрд Пармениду «предикационный монизм» не запрещает наличие множества различных сущих. Подход П. Кёрд основывается на одной из наиболее значимых историко-философских исследований сохранившихся фрагментов поэмы Парменида Mourelatos A. P. D. *The Route of Parmenides*. Las Vegas, Zürich, Athens: Parmenides Publishing, 2008. (Originally published in 1970 by Yale University Press). I–L, 1–293 p.

Мы видим, что имеются две конкурирующие точки зрения на само существование «проблемы единого-многого», а также на ту роль, которую наследие Парменида играло в последующей древнегреческой философии. Принятие той или иной точки зрения зависит от того, какой именно тезис доказывал Парменид. Скажем, какой именно монизм он пытался обосновать – нумерический, предикационный, или какой-то иной? Это зависит от трактовки дошедших до нас фрагментов поэмы Парменида, и современные историки философии предложили несколько конкурирующих трактовок (G. Calogero, J. Burnet, F. M. Cornford, M. Furth, G. E. L. Owen, A. P. D. Mourelatos, P. Curd, S. Austin, A. F. Lewis, J. Barnes, A. A. Long, G. Vlastos, R. Ketchum, L. Rossetti, M. Marcinkowska-Rosół, J. A. I. Palmer, A. H. Coxon, K. von Fritz, L. Tarán, N.-L. Cordero, I. Crystal, M. J. Henn, T. Robinson, Ch. Kahn, A. Finkelberg, D. J. Furley, М. Н. Вольф, А. В. Лебедев, В. П. Горан, Ю. М. Романенко, В. О. Лобовиков, Ф. Х. Кессиди, А. Ф. Лосев, А. В. Ахутин, М. Хайдеггер, А. Л. Доброхотов, Н. В. Голбан, А. В. Богомолов, М. А. Монин, В. Г. Рохмистров и др.).

Каждая трактовка Парменида претендует на то, что предлагаемая ею интерпретация более достоверна, позволяет лучше объяснить влияние элеатов на последующих философов и область интересов последних, и т. д. Указанное разнообразие трактовок показывает, что ***тема исследования актуальна для современных историко-философских дискуссий.***

Разнообразие трактовок Парменида требует от исследователя умения *критически* оценивать уже существующие интерпретации – т. е. умения оценивать их в соответствии с чётко прописанными *критериями*. И здесь мы вынуждены коснуться традиционных споров о методологии истории философии.

Среди таких споров о наиболее общих методологических вопросах истории философии важное место занимает спор между контекстуалистами и апроприационистами, идущий, по большей части, среди англоязычных историков философии с 60-х годов прошлого века. Контекстуалисты (к числу которых можно отнести Р. Рорти, Р. Козелика, Дж. Поккока, Кв. Скиннера, М. Бивира), являющиеся современными наследниками историцистов (к последним относят, например, Леопольда фон Ранке и Р. Коллингвуда) и разделяющие бóльшую часть историцистских подходов, требуют трактовать рассматриваемый текст через тщательное изучение ближайшего его контекста (в том числе социального, культурного и проч.). Апроприационисты (к числу которых можно отнести современных исследователей Дж. Пассмора и Дж. Беннетта, во многом являющихся наследниками таких представителей Оксфордской школы реализма, как С. Александер, Г. Причард, Б. Рассел), со своей стороны, требуют трактовать тексты древних философов так, чтобы их можно было встраивать в современные философские дискуссии, и любые исследования, в том числе изучение контекста, должны проводиться только ради этой цели. Использование при интерпретации древних текстов современного концептуального аппарата и технических средств приветствуется апроприационистами, но неприемлемо для контекстуалистов.

Наиболее известные и обсуждаемые интерпретации позиций Парменида, касающиеся не состояния источников и других текстологических вопросов, а собственно философского содержания сохранившихся фрагментов этих философов, с 60-х годов прошлого века содержат современный концептуальный аппарат или современные технические средства, а значит – в большей или меньшей степени – следуют апроприационистскому подходу. Но это означает, что эти исследования не удовлетворяют контекстуалистским критериям. Примеры в значительной степени «апроприационистских» работ, касающихся аргументации Парменида против множественности сущего, являются: Barnes J. *The Presocratic Philosophers*. London: Routledge & Kegan Paul, 1979. In 2 vols.; Lewis A. F. *Parmenides' Modal Fallacy* // *Phronesis*. 2009. Vol. 54. P. 1–8; Wedin M. V. *Parmenides' Grand Deduction: A Logical Reconstruction of the Way of Truth*. Oxford (UK): Oxford University Press, 2014. x, 275 p.

Аналогично, те работы, которые удовлетворяют контекстуалистским критериям, не удовлетворяют апроприационистским критериям. Примерами таких работ являются: Cordero N. L. *By Being, It is: The Thesis of Parmenides*. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004. xi, 215 p.; Coxon A. H. *The Fragments of Parmenides. A Critical Text with Introduction, Translation, the Ancient Testimonia and Commentary*. Assen: Van Gorcum, 1986. viii, 277 p.; Sisko J. E., Weiss Y. A *Fourth Alternative in Interpreting Parmenides* // *Phronesis*. 2015. Vol. 60, no. 1. P. 40–59.

Можно сказать, что какой бы ни была историко-философская работа о Пармениде, она не удовлетворяет критериям одного из противостоящих лагерей в методологии истории философии – либо контекстуалистов, либо апроприационистов. Ситуация с работами о других древнегреческих философах аналогична. Особенно ясно это противостояние апроприационистского и контекстуалистского подходов видно в работах об аргументах Зенона Элейского против множественности сущего и против движения; «апроприационистские» работы по этой теме гораздо теснее связаны с

современными дискуссиями о континууме, теориях размерностей и о «машинах бесконечности», чем с сохранившимися изложениями зеноновских аргументов. Тем не менее, доводы, представляемые в защиту своей позиции обоими лагерями, кажутся весьма разумными. Сложившаяся ситуация с полемикой между контекстуализмом и апроприационизмом приводит к тому, что необходимым условием для оценки историко-философской состоятельности имеющихся исследований учения Парменида является разработка методологии, учитывающей подходы контекстуализма и апроприационизма, но формулирующей такие критерии историко-философской работы, удовлетворить которым всё-таки возможно. Только после этого можно оценивать достоинства и недостатки исследований, посвящённых Пармениду, и пытаться решить проблемы, возникшие в современных дискуссиях.

Проблему нашего исследования, в связи с существованием указанной дискуссии о методологии историко-философского исследования, можно сформулировать следующим образом:

можно ли сконструировать методологию историко-философского исследования, которая:

а) была бы устойчива к доводам, выдвигаемым друг против друга апроприационистами и контекстуалистами;

б) была бы способна показать свою работоспособность и преимущества при интерпретациях текстов Парменида, содержащих аргументы против множественности сущего, встраивающая эти аргументы в современные философские дискуссии, но не приписывающая Пармениду исторически недостоверных убеждений.

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что методология историко-философского исследования, удовлетворяющая указанным условиям а) и б), может быть построена.

Степень разработанности проблемы исследования.

Попытки решить проблему исследования в представленной формулировке отсутствуют, но многие уже разработанные подходы к историко-

философской методологии – а именно, исследования, в которых выявляются недостатки контекстуализма или апроприационизма – могут быть отнесены к разрабатывающим проблему настоящего исследования, поскольку будут использоваться в предлагаемом нами подходе к решению поставленной проблемы. Также к разрабатывающим проблему настоящего исследования могут быть отнесены современные апроприационистские интерпретации, которые, правда, для успешного решения проблемы настоящего исследования необходимо скорректировать и снабдить защитой от атак контекстуалистов, для чего следует показать, что такие интерпретации не приписывают Пармениду исторически невозможных убеждений.

Недостатки существующих версий контекстуализма и апроприационизма выявляются в ходе полемики между этими лагерями, а также внутри каждого из лагерей. Попытка преодолеть уязвимость контекстуализма наблюдается уже у создателя «истории идей» А. Лавджоя – по крайней мере, в трактовке М. Мандельбаума – поскольку А. Лавджой требует при интерпретации древнего текста учитывать не только прошлое, но также и то, что важно для интерпретатора в настоящем. Однако вопрос Р. Рорти о том, как доказать, что таким апроприационистским способом интерпретированный текст будет иметь отношение к реальной истории остаётся открытым и у А. Лавджоя, и у М. Мандельбаума.

М. Бивир критикует контекстуалистов Дж. Покока и Кв. Скиннера (сторонников направления, называемого «Кембриджской школой интеллектуальной истории»), и предлагает собственную методологию. Методология М. Бивира, однако, целиком остаётся в рамках контекстуализма, привязывая смысл философских текстов ко времени, в которых они появились, и поэтому уязвима перед лицом очерченной выше апроприационистской критики.

Другая замеченная исследователями (R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner) проблема с контекстуализмом, связана с неограниченным расширением контекста, который контекстуализм требует учитывать при

интерпретации исходного философского текста. Этот текст интерпретируется через тексты, вещи, события, уже не имеющие никакого отношения к собственно философии, в результате предметом изучения становится не история философии, а практически необозримая «интеллектуальная история».

По И. Ш. Зарке (Y. Ch. Zarka), апроприационизм опасен уходом в субъективное, не подкреплённое историческим анализом, фантазирование об убеждениях древних философов; контекстуализм, настаивающий на интерпретации философских текстов через их контекст, в действительности предлагает нереализуемую методологию, поскольку контекст настолько же нуждается в интерпретации, что и исходный текст. С точки зрения И. Ш. Зарки, назрела необходимость построения такой истории философии, которая объективно состоятельна как с точки зрения философии (объекты которой не привязаны к контексту), так и истории (объекты которой укоренены в контексте); но он не пытается обосновать возможность такой истории философии и представить её методологию. Также во многом декларацией или пожеланием остаётся рассуждение о возможности сохранения философского инструментария при его несомненном изменении у Т. Сорелла (T. Sorell).

П. Кинг (P. King) критикует контекстуалистов, отмечая, что они не могут высказываться об объектах древних философов вообще, поскольку находятся в совершенно другом, современном, контексте, но П. Кинг не предлагает выхода из сложившегося положения. Со своей стороны, многие контекстуалисты (V. Tejera, Q. Skinner, J. Cottinham и др.), защищая свою позицию, критикуют апроприационистов, требуют от последних воздержаться от «антиисторических методов», в том числе – от использования современного концептуального аппарата и технических средств.

Что же касается конкретных историко-философских исследований, затрагивающих тему настоящей диссертации – аргументация против множественности сущего у Парменида, – то имеется значительное количество исследований, *создающих условия* для связывания аргументов Парменида с современными философскими дискуссиями, поскольку эти аргументы

тракуются с использованием современного концептуального аппарата и технических средств (M. Furth, G. E. L. Owen, A. P. D. Mourelatos, P. Curd, A. F. Lewis, J. Barnes, R. Ketchum, M. Wedin и др.). В этом смысле эти исследования можно считать разрабатывающими проблему настоящего исследования. Однако неразрешённость методологических споров между контекстуализмом и апроприационизмом делает эти исследования подверженными контекстуалистской критике.

Кроме того, под влиянием критики контекстуалистов апроприационисты стремятся свести к минимуму использование ими современного технического аппарата, пытаются сделать его как можно более «простым». Такое ограничение на используемые выразительные средства сильно сужает область доступных интерпретаций древних философских текстов. Вследствие этого Пармениду приписываются тривиальные ошибки, что делает такие интерпретации неинтересными для обсуждения их современными философами. Всё это говорит о недостаточности апроприационистских подходов (по крайней мере, в их сложившемся виде, без существенной доработки) для построения такой до сих пор отсутствующей интерпретации сохранившихся фрагментов поэмы Парменида, которая была бы доброжелательна по отношению к Пармениду, встраивала бы его аргументы в современные дискуссии и не приписывала бы ему убеждений, которых он не мог придерживаться.

Таким образом, в современных интерпретациях аргументов Парменида против множественности сущего и работах по методологии истории философии проблема настоящего исследования разработана недостаточно.

Объектом исследования являются современные интерпретации учения Парменида и методология их построения.

Предметом исследования являются содержащие философский анализ интерпретации аргументов против множественности сущего у Парменида, рассматриваемые в связи со структурно схожими рассуждениями последующих древнегреческих философов и с методологией построения таких интерпретаций.

Диссертация соответствует специальности **09.00.03 «история философии»**. А именно, в соответствии с *формулой специальности* ВАК, к содержанию этой специальности отнесены следующие пункты, нашедшие отражение в диссертации:

« – исследование проблем генезиса, развития и современного состояния философского знания как постоянной составляющей в эволюции духовной культуры человечества;

– распознавание и описание первичных предпосылок, инициирующих философский дискурс от древнейших умозрительных построений до современных моделей философствования».

Кроме того, в *паспорт специальности* включены следующие темы исследования, затрагиваемые в диссертации:

«1. *Методологический аспект*:

– понятие историко-философского метода; его отличие от общепhilosophического метода; пределы и возможности его применения;

– способы и приёмы историко-философского исследования;

– тематизация и проблематизация объектов историко-философской рефлексии;

– аналитический и оценочный подход к реконструкции философских идей;

– деформации историко-философской стратегии: формализация, ...

2. *Предметный аспект*:

– основные фазы и ключевые моменты в эволюции западной философии».

Цель исследования состоит в том, чтобы, используя методологию историко-философского исследования, устойчивую к доводам, выдвинутым в ходе дискуссии контекстуалистов и апроприационистов, построить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего, которая (a) не содержит тривиальных ошибок, (b) связывает эти аргументы со структурно схожими рассуждениями последующих древнегреческих философов, а также (c)

встраивает эти аргументы в современные философские дискуссии, но (d) не приписывает Пармениду исторически недостоверных убеждений.

Для достижения заявленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Разработать историко-философскую методологию, устойчивую к взаимной критике контекстуалистов и апроприационистов, обосновывающую возможность использования современного концептуального аппарата и современных технических средств при интерпретации философских текстов других эпох и указывающую на критерии корректного использования этих средств.

2. Показать недостаточную обоснованность античных и современных интерпретаций строк поэмы Парменида, приписывающих ему тривиальные ошибки, для чего предложить такие интерпретации обсуждаемых строк поэмы Парменида и резюмирующих позицию Парменида положений, в которых эти ошибки отсутствуют.

3. Построить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего, встраивающую его рассуждения в современные философские дискуссии.

4. Разработать такие интерпретации ряда текстов древнегреческих философов после Парменида, в которых можно проследить случаи использования холистического допущения из нашей интерпретации аргументации Парменида против множественности сущего.

Методология исследования.

Методология настоящего исследования основывается на «проблемном подходе к истории философии», разработанном совместно с М. Н. Вольф. А именно, при разработке методологии настоящего исследования мы развивали «логическую ветвь проблемного подхода», т. е. способ определения значения философских текстов через проблемы, попытки сформулировать и решить которые образуют цепочки философских аргументов, раскрывающих значимость входящих в них аргументов. В настоящей диссертации, отталкиваясь от «логической ветви проблемного подхода», мы обосновываем и

создаём методологию, подходящую для интерпретации сохранившихся фрагментов поэмы Парменида, в которых содержатся аргументы против множественности сущего.

Разработанная нами методология позволяет совместить некоторые контекстуалистские и апроприационистские требования к историко-философскому исследованию, каждое из которых выглядит достаточно разумно, но кажется трудносочетаемым с другим: с одной стороны, требуется не впадать в анахронизм, не приписывать древним философам убеждений, удивительно напоминающие современные, а с другой стороны – не предаваться антикваризму, не превращать работу историка философии в описание осколков давно вымершей культуры, не имеющей никакого отношения к тому, что волнует людей сейчас. Это делается посредством устранения во многом ответственного за непрекращающийся спор контекстуалистов и апроприационистов смешения того значения текста, которое историк философии полагает содержащимся в уме древнего философа, и значения, отражающего «жизнь» содержания этого текста в последующих философских дискуссиях. Мы чётко разводим эти значения; наша интерпретация Парменида призвана проиллюстрировать построение значений последнего типа.

Перед началом моделирования указанных значений любых типов требуется осуществить перевод текста с языка написавшего его философа на технический язык для конструируемой интерпретатором модели. Для осуществления этого перевода используются обычные методы работы с оригинальным древнегреческим текстом, привычные для историков философии: метод сравнительно-исторического анализа, метод логико-исторической реконструкции и текстологической реконструкции. Также был использован метод «обратной реконструкции», разработанный М. Н. Вольф.

Научная новизна исследования.

1. Впервые предложена методология историко-философского исследования, трактующая выявление значения философского текста как построение модели для формального языка и обосновывающая использование

современного концептуального аппарата в историко-философских исследованиях, основывающаяся на теоретико-модельном подходе – а именно, на перспективалистской семантике В. Эдельберга, в которую внесены необходимые изменения и дополнения.

2. Впервые для преодоления критики Парменида Аристотелем в *Phys. A*, 3 использован аппарат теории абстрактных объектов Э. Залты, а для преодоления обвинения Парменида со стороны Г. Оуэна и А. Мурелатоса в самореферентной непоследовательности использовано отнесение обсуждаемых интерпретаторами актов мышления, которые Парменид предположительно подразумевает в поэме, говоря о «сущем» как объекте мышления и о «не-сущем» при наделении смыслом тезиса «не-сущее немислимо», к различным типам.

3. Впервые применён аппарат теории абстрактных объектов Э. Залты и технические средства доксистической логики с целью трактовки рассуждения Парменида из В 2; 8.22–25; 8.45–48 в виде принципов, которым должны подчиняться сообщения о пропозициональных установках, что позволило представить аргументацию Парменида против множественности сущего в виде корректного умозаключения с приемлемыми для ряда последующих философов посылками.

4. Впервые применён аппарат теории абстрактных объектов Э. Залты и технические средства доксистической логики с целью трактовки некоторых аргументов Протагора, Горгия, Платона и Секста Эмпирика в виде принципов, которым должны подчиняться сообщения о пропозициональных установках, что позволило установить общую посылку в наших интерпретациях аргументов Парменида против множественности сущего и в наших интерпретациях аргументов этих философов.

Положения, выносимые на защиту.

1. Обоснована возможность использования современного концептуального аппарата при интерпретации философских текстов других эпох без приписывания философам прошедших эпох убеждений, которых они

не могли придерживаться. Для обоснования этой возможности построена согласительная методология историко-философского исследования (СМ), устойчивая к взаимной критике контекстуалистов (Р. Рорти, Р. Козелик, Дж. Поккок, Кв. Скиннер, М. Бивир, Дж. Г. Рэнделл) и апроприационистов (Б. Рассел, Дж. Пассмор, Дж. Беннетт и др.), а также позволяющая согласовать их кажущиеся трудносочетаемыми требования к историко-философскому исследованию; эта методология характеризуется следующими основными положениями:

а) СМ основывается на построенной нами семантике сообщений об убеждениях (которая, в свою очередь, опирается на перспективалистскую семантику В. Эдельберга) и не сводит работу по установлению содержания античных философских текстов к текстологии, изучению обстоятельств написания философской работы, и к максимально точной передаче мнений философов прошедших эпох.

б) В СМ определены два типа значения релевантных языковых выражений из текста древнего философа – *генеалогическое значение* и *производное значение*. *Генеалогическое значение* отражает аргументы или понятия из убеждений философов, предшествующих рассматриваемому философу, внёсших вклад в формирование убеждений рассматриваемого философа, или из убеждений кружка философов, окружавших его (но не из убеждений современных философов). *Производное значение* отражает «жизнь» исходного аргумента или понятия, отражённого в тексте рассматриваемого философа, в последующих – вплоть до современных – дискуссиях.

с) Требования апроприационистов (текст древнего философа имеет только то значение, которое ему придаётся в современных дискуссиях) и контекстуалистов (текст древнего философа имеет только то значение, которое понимается лишь через узкий социальный и культурный «контекст» этого текста) противоречат друг другу, если их применить к значению одного и того же типа, но противоречие исчезает, если их требования применять к значениям различных типов – к *производному значению* и к *генеалогическому значению* из

СМ, соответственно. Тем самым показано, что использование современного концептуального аппарата в СМ допустимо при построении *производного значения* текстов философов минувших эпох.

2. Показано, что использование для формализации аргументов Парменида против множественности сущего современных технических средств (таких, как теория абстрактных объектов Э. Залты) позволяет заблокировать современную (у А. Мурелатоса, Г. Оуэна, Дж. Барнса, Э. Ф. Льюиса) и античную (из *Theaet.* 189b и *Soph.* 238c–260c Платона, *Phys.* А, 3 Аристотеля) критику корректности этих рассуждений Парменида и критику входящих в эти рассуждения положений. А именно, наиболее интересными проанализированными нами «ошибками», которые критики Парменида ему приписывают, являются следующие:

а) «Самореферентная непоследовательность», приписываемая А. Мурелатосом положению Парменида «не-сущее не может быть помыслено» (В 2 и др.) на том основании, что при мышлении этого положения пришлось бы помыслить не-сущее. Мы проинтерпретировали указанное положение Парменида как вполне «невинный» принцип интенциональности мышления, в соответствии с которым ни один акт мышления (к числу которых не относится акт постижения этого положения) не направлен на то, что для него не существует (т. е. на то, что не является его объектом).

б) Неразличение Парменидом при его гипотетическом обосновании положения «предложения вида “__не есть__” не могут быть помыслены» (как А. Мурелатос трактует В 2.3; 8.2; 8.9) функций имён общих и нарицательных, а также неразделимость для него мышления, речи и именования. Мы показали, что подозрения в неявном использовании сомнительных положений устраняются, если (i) трактовать эти положения как принцип интенциональности мышления, и (ii) признать, что объектом мышления для Парменида, «сущим (τὸ ἔόν)», является внутренний объект мышления (Г. Оуэн, Дж. Баррингтон), а не реальный объект (М. Фёрт, А. Мурелатос, П. Кёрд).

с) «Модальная ошибка» – вывод из « x существует» или из « x возможно» положения « x существует необходимо» – обнаруживается в В 2; 6 несколькими современными интерпретаторами (Г. Оуэном, Дж. Барнсом, Ф. Э. Льюисом). Мы показали, что в интерпретации Парменида, основывающейся на признании (i) и (ii), ни «модальная ошибка», ни какой-либо другой вид некорректного умозаключения не приписывается Пармениду.

d) Положение «сущее есть единое (т. е. только одно)», приписываемое Платоном и Аристотелем Пармениду, противоречит «очевидному» существованию по меньшей мере двух различных вещей – имени «сущее» и имени «единое» (Платон, *Soph.* 244c8–9), а также различных значений подлежащего и сказуемого предложения «сущее есть единое» (Аристотель, *Phys.* A, 3), – хотя для нашей трактовки «сущего» у Парменида эту критику следует сформулировать как настаивающую на различии понятий «сущего» и «единого» как ментальных объектов. Основываясь на признании (i), (ii) и теории абстрактных объектов Э. Залты, мы показали, что два рассматриваемых положения не противоречат друг другу, если признать понятия «сущего» и «единого», мыслящиеся различными, кодирующими отношение различия (требование Платона и Аристотеля), и «едиными» в том смысле, что объекты одного акта мышления экземплифицируют тождественность друг с другом (требование Парменида).

3. Построена и обоснована интерпретация релевантных строк поэмы Парменида из В 2; 8 в виде корректной и исходящей из достаточно здравых посылок *Первой линии аргументации в пользу единства (немножественности) сущего* (ПЛ), в которой сущее трактуется как внутренний объект мышления (ВОМ), являющийся абстрактным объектом в смысле Э. Залты. Основными характеристиками ПЛ являются следующие:

a) В ПЛ используются: (I) допущение о холистическом характере сложного объекта – а именно, такого объекта, как ВОМ, и (II) критерий различия конститuent ВОМ. В различных вариантах допущения о холистическом характере сложного объекта утверждается, например, что все

конституенты целого определяются друг через друга, или что если два целых различаются хотя бы одной конституентой, то они различаются всеми своими конституентами. В (II) утверждается, что если конституенты ВОМ могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе, то они не могут считаться отличными друг от друга.

b) С использованием современной техники формализаций сообщений о пропозициональных установках показано, что ПЛ связывает Парменида с современным обсуждением допущения о холистическом характере сложного объекта: с дискуссиями о ментальном холизме (К. Бах, Н. Блок, М. Эсфельд и др.), о проблеме интенционального тождества (П. Гич, В. Эдельберг и др.) и о допустимости присутствия в двух возможных мирах совпадающих объектов (Я. Хинтиikka).

4. Построена и обоснована интерпретация тезиса *homo mensura* Протагора, некоторых текстов Горгия (MXG VI, §§ 23, 25, 26), Платона (*Euthydemus* 286a–b; *Laches* 198d–199a, *Meno* 79c; *Thaet.* 154a, 159e–160a; *Parm.* 134d–e; *Soph.* 263a–b), Секста Эмпирика (*Pyrr.* II, 4–6; 109; 117–120; 144; *Adv. math.* VII, 305–307; VIII, 337) и Плотина (V.9.5–6 и др.), в соответствии с которой положения, используемые в этих текстах, выводимы из вариаций используемого в ПЛ допущения о холистическом характере сложного объекта. Также наши интерпретации Парменида и указанных античных философов демонстрируют следующее:

a) Производное значение строк поэмы Парменида, трактуемых как ПЛ, может быть обогащено посредством современных дискуссий (указанных в пункте b) положения 3) и аргументов вышеперечисленных античных философов.

b) Выявление логической связи указанных дискуссий и аргументов с ПЛ указывает на эффективность и плодотворность использования современных концепций и технических средств для интерпретации релевантных строк поэмы Парменида и указанных текстов античных философов. На эту эффективность указывает также и то, что применение современных концепций и технических

средств позволило нам обнаружить такие логические связи между проблемами и тезисами философов, которые трудно распознать при других подходах к истории философии и интерпретации текстов.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Методология историко-философского исследования, представленная в диссертации, может использоваться в других историко-философских работах, нацеленных на изучение философской значимости и корректности аргументов философов различных эпох. Исследование структуры аргументов Парменида против множественности сущего, аргументов Горгия, Платона, Аристотеля, Секста Эмпирика, выполненное в диссертации в соответствии с представленной методологией, имеет значение для анализа текстов, которые не рассматривались в настоящей диссертации – например, для анализа обоснования немножественности сущего и невозможности движения у Зенона Элейского. Также настоящее исследование имеет значение для анализа многочисленных случаев холистических допущений в последующей философии – от средневековой до современной. В целом, можно сказать, что настоящая диссертация может быть использована для построения особого жанра истории философии – «проблемной» или «аналитической» истории философии, характерной особенностью которого является философский анализ проблем и аргументов философов различных эпох, анализ, в ходе которого допускается использование концептуального и технического аппарата, недоступного анализируемому философу.

В практическом плане материал диссертации может быть использован в качестве учебной литературы для обучения студентов и аспирантов философских факультетов, специализирующихся как по истории философии, так и по аналитической философии.

Степень достоверности результатов исследования.

Степень достоверности результатов исследования – высокая, что обеспечивается: специально разработанной методологией; обоснованием применимости этой методологии для достижения цели и решения задач

настоящего исследования; анализом оригинальных древнегреческих текстов Парменида и др. древнегреческих философов; анализом современных историко-философских работ, посвящённых рассматриваемым философам; использованием при интерпретации текстов древнегреческих философов более выразительных искусственных языков, чем языки, до сих пор использовавшиеся современными интерпретаторами этих текстов.

Апробация результатов исследования.

Основные результаты диссертационной работы освещались автором в докладах на научных конференциях и других научных мероприятиях, среди которых: Всероссийская научная конференция, посвящённая 30-летию Института философии и права СО РАН (Новосибирск, 2020 г.); Международная научная конференция «uAnalytiCon-2019»: Тожество, индивидные понятия и семантическое единообразие (Екатеринбург, 2019 г.); Всероссийская научная конференция «Классическая традиция и современная философия в диалоге» (Новосибирск, 2019 г.); XIV-я Международная научная конференция «Аристотелевские чтения. Философия Аристотеля в контексте европейского и российского культурного наследия» (Москва, 2018 г.); Международная научная конференция Первый Белорусский философский конгресс «Национальная философия в глобальном мире» (Минск, 2017 г.); XXV-я Международная конференция «Универсум Платоновской мысли. Платон и античная наука» (Санкт-Петербург, 2017 г.); Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы аналитической философии» (Томск, 2017 г.); VI-ая Всероссийская научная конференция «Сибирский философский семинар: Проблемы современной философии» (Томск, 2017 г.); Международная конференция и школа «Перипатетическая традиция: Аристотелевские идеи в философии, науке и литературе» (Новосибирск, 2017 г.); Международная научная конференция «Классическая традиция и аналитическая философия» (Томск, 2016 г.); Московская международная научная конференция «Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности» (Москва, 2016 г.); XXIV-ая Всероссийская научная конференция «Универсум

Платоновской мысли. Платон и современность» (Санкт-Петербург, 2016 г.); Международная конференция «Феноменолого-онтологический замысел Г. Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков. *Comprehensio*. Шестые шпетовские чтения» (Томск, 2015 г.); Международная конференция «Актуальные проблемы аналитической философии» (Томск, 2015 г.); XXII-я Международная конференция «Универсум платоновской мысли. Корпус текстов Платона в истории его интерпретаций (2)» (Санкт-Петербург, 2014 г.); XXI-ая Международная конференция «Универсум Платоновской мысли. Корпус текстов Платона в истории его интерпретаций» (Санкт-Петербург, 2013 г.); III-я Всероссийская научная конференция «Сибирский философский семинар: Интеллектуальный потенциал Сибири для развития России: Философия – Наука – Образование» (Томск, 2013 г.); Всероссийская научная конференция «Инновационный университет: философия – наука – управление», посвящённая XX-летию Философского факультета НГУ (Новосибирск, 2013 г.); II-ая Всероссийская научная конференция «Сибирский философский семинар: Интеллектуальный потенциал Сибири для развития России: философия – наука – образование» (Красноярск, 2012 г.); I-ая Всероссийская научная конференция «Сибирский философский семинар: Интеллектуальные ценности в современной России: Философия. Наука. Инновации» (Новосибирск, 2011 г.); Международный научный семинар «TEXNH. Theoretical Foundations of Arts, Sciences and Technology in the Greco-Roman World» (Новосибирск, 2010–2013 гг.); V-й Российский философский конгресс (Новосибирск, 2009 г.); Международный научный семинар «Teaching Classics. Fundamental Values in the Changing World» (Новосибирск, 2007–2010 гг.); Всероссийская научная конференция «Перечитывая Доддса: Рационализм и иррационализм в античной философской традиции» (Новосибирск, 2007 г.); XIII-я Всероссийская Платоновская конференция «Универсум платоновской мысли. Платоновская и аристотелевская традиция в античности и в европейской философии» (Санкт-Петербург, 2005 г.); научные семинары сектора истории философии и отдела

философии Института философии и права СО РАН, (Новосибирск, 2005–2016 гг.).

Материал представленной диссертации на протяжении нескольких лет использовался автором для чтения историко-философских специальных курсов «Античные истоки схоластики» и «Античная эпистемология», а также проведения семинаров по курсу «История философии Античности и Средних веков» для магистрантов Философского факультета Новосибирского государственного университета (с 2017 г. – Институт философии и права НГУ).

Исследовательская работа, результаты которой представлены в диссертации, была поддержана грантами следующих фондов: РНФ, проект № 19-18-00128 «Античная эпистемология: элеаты, софисты, Платон в новых интерпретациях» (2019–2021 гг.), один из основных исполнителей проекта; РФФИ, проект № 18-00-01376 (18-00-00760) «Анализ и моделирование структуры риторических аргументов в естественном языке на примере научно-популярного дискурса» (2018–2020 гг.), один из исполнителей проекта; РГНФ, проект № 14-03-00502а «Аргументированность и обоснованность знания в парадигме античной рациональности» (2014–2016 гг.), руководитель проекта.

Результаты исследования получены лично, опубликованы в 38 научных работах, среди них: 3 научные монографии (в том числе 2 коллективные монографии), 28 статей в научных журналах, включённых в *Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, доктора наук*. Среди статей, опубликованных в журналах, включённых в *Перечень ВАК* – 6 статей в научных журналах, индексирующихся в WoS Core Collection; среди последних статей – 1 статья в научном журнале, индексирующемся в Scopus. Помимо статей, опубликованных в научных журналах, включённых в *Перечень ВАК*, опубликованы 3 статьи в научных журналах, индексирующихся и в WoS Core Collection, и в Scopus, 1 статья в научном журнале, индексирующемся только в WoS Core Collection. Помимо этого, опубликовано 2 статьи в прочих научных журналах, в том числе 1 статья

в иностранном журнале. Кроме того, опубликована 1 статья в тематическом сборнике научных статей. Эти публикации в полной мере отражают основное содержание диссертации.

Структура диссертации.

Диссертация состоит из Введения, четырёх глав (содержащих в сумме 37 параграфа, некоторые параграфы содержат подпараграфы, всего 18 подпараграфов), Заключения, Списка сокращений и Списка использованной литературы, включающего 279 наименований. Общий объём диссертации – 377 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В диссертации мы ставили перед собой следующую цель: *используя методологию историко-философского исследования, устойчивую к доводам, выдвинутым в ходе дискуссии контекстуалистов и апроприационистов, построить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего, которая (а) не содержит тривиальных ошибок, (б) связывает эти аргументы со структурно схожими рассуждениями последующих древнегреческих философов, а также (с) встраивает эти аргументы в современные философские дискуссии, но (d) не приписывает Пармениду исторически недостоверных убеждений*. Эта цель была достигнута посредством последовательного решения шести задач. В первой главе решалась первая задача, во второй главе – вторая задача, в третьей главе – первая часть третьей задачи, в четвёртой главе – вторая часть третьей задачи и четвёртая задача.

В первой главе диссертации «Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии» решалась первая из задач диссертации. А именно, в первой главе *разрабатывалась историко-философская методология, устойчивая к взаимной критике контекстуалистов и апроприационистов, обосновывающая возможность использования современного концептуального аппарата и современных технических средств при интерпретации*

философских текстов других эпох и указывающая на критерии корректного использования этих средств.

Предлагаемая в диссертации методология историко-философского исследования основывается на «проблемном подходе к истории философии», разрабатывавшемся М. Н. Вольф совместно с автором диссертации в 2004–2007 г. Также при построении используемой в диссертации методологии мы опирались на подходы к методологии истории философии, разрабатывавшиеся М. Н. Вольф 2016–2019 гг.

Основываясь на логической ветви проблемного подхода, методология настоящего исследования разрабатывалась с учётом противостояния между двумя наиболее известными подходами к методологии истории философии – контекстуализмом и апроприационизмом.

С точки зрения контекстуалистов (к которым можно отнести Р. Рорти, Р. Козелика, Дж. Поккока, Кв. Скиннера, М. Бивира, Дж. Г. Рэнделла (J. H. Randall) и др.), смысл положений философов из написанного ими текста определяются их непосредственным, довольно узким, контекстом, так что объекты древних философов отличаются от объектов, обсуждаемых современными философами.

Стороной, противостоящей историцистам и контекстуалистам, являются апроприационисты (к которым можно отнести Б. Рассела, Дж. Пассмора, Дж. Беннетта (J. Bennett)), предлагающие встраивать древние тексты в обсуждение современных философских проблем, тем самым признавая возможность использования древних объектов в современных дискуссиях, что неприемлемо для контекстуалистов.

Контекстуалисты обвиняют апроприационистов в том, что последние приписывают древним философам модернизированные концепции, которых они не могли придерживаться. Апроприационисты же, в свою очередь, обвиняют контекстуалистов в том, что из-за принимаемых контекстуалистами посылок адекватное понимание и изложение убеждений древних философов – провозглашаемое контекстуалистами целью работы историка философии –

становится для контекстуалистов невозможным. Как утверждают апроприационисты, выявление того, что философ минувшей эпохи думал «на самом деле» для контекстуалиста невозможно из-за того, что объект каждого философа – с точки зрения контекстуалистов – определён только в узком историческом, культурном, социальном и проч. контексте. Поскольку контекст современного историка философии, живущего в совсем другую эпоху, совершенно другой, при контекстуалистском подходе «древние» объекты оказываются недостижимыми для современных философов и историков философии. Предлагаемый же нами подход рекомендует принять семантику, в которой сообщения об убеждениях древних философов не являются проблематичными, но, вместе с тем, объекты из их систем убеждений не подвергаются незаконной модернизации, т. е. не отождествляются с невозможными для древних философов современными объектами, или с объектами, разработанными с использованием современных теорий, подходов и технических средств.

Для обоснования существования семантики сообщений об убеждениях – удовлетворяющей указанным условиям и решающей рассматриваемые проблемы методологии истории философии – нам пришлось точно сформулировать ответ на вопрос: *в каком смысле объекты древних философов, хотя и отличные от объектов современных философов, могут считаться используемыми в современных дискуссиях?* Для ответа на этот вопрос была построена семантика для сообщений об убеждениях, дополняющая перспективалистскую семантику В. Эдельберга. В этой семантике убеждения философов (в рамках создаваемой историком философии модели) представляются как «теории». Каждая теория является множеством «индексов». Индекс является аналогом возможного мира в семантике возможных миров, на индексе могут быть ложны или истинны предложения (формулы), и у каждого индекса имеется домен этого индекса, т. е. множество вещей, существующих на этом индексе. «Объектом» называется частичная функция, ставящая в соответствие (для некоторых индексов) индексу элемент

домена этого индекса. Необходимость введения объектов как функций, в дополнение к элементам доменов индексов, была вызвана тем, что в системе убеждений одного и того же философа один и тот же термин или выражение может указывать на разные понятия, концепции, аргументы – в зависимости от разбираемой этим философом ситуации, от контекста употребления термина или выражения. Две теории не содержат одинаковых индексов; элементы доменов двух индексов различны; два объекта не могут быть определены на индексах из различных теорий. Термины, выражения или тексты, выражающие понятия, концепции, аргументы, находящиеся в системе убеждений философа, указывают для этого философа на объекты из его системы убеждений, т. е. на объекты, определённые на некоторых индексах теории этого философа. Для другого философа они указывают на другие объекты. Объекты систем убеждений (т. е. теорий) двух философов различны, но они могут быть «близнецами» (т. е. могут находиться в отношении «_является близнецом по отношению к_»), если они функционируют в системе убеждений философов сходным образом.

Кроме того, объект, скажем, второго философа является «вторичным» по отношению к объекту первого философа, если, например, значением объектов обоих философов (на конкретных индексах из их теорий) являются аргументы из систем убеждений этих философов, причём второй философ как-то использует, подкрепляет или опровергает аргумент первого. Термин, выражение или текст, с помощью которого описываются убеждения первого философа, может иметь особый тип значения, названный нами *производным значением*. *Производное значение* термина, выражения или текста есть упорядоченное множество объектов, являющихся вторичными по отношению к объекту данного философа. Аналогично строится *генеалогическое значение* термина или выражения: оно есть упорядоченное множество объектов, по отношению к которым объект данного философа является вторичным.

Введение объектов, являющихся «близнецами», и производного значения терминов или выражений позволяет дать точный ответ на поставленный выше

вопрос. Объекты современного философа или историка философии не тождественны объектам древнего философа, но они могут быть «близнецами» друг по отношению к другу. Кроме того, «современные» объекты могут быть производными от «древних» объектов. Если такие производные объекты имеются, то «древние» объекты могут быть названы используемыми в современных дискуссиях в том смысле, что у «современных» объектов имеются «древние предки». Представленная семантика позволила ассоциировать некоторые варианты контекстуализма с признанием *единственным* типом значения релевантных языковых выражений *генеалогического значения*, а некоторые варианты апроприационизма – с признанием *единственным* типом значения релевантных языковых выражений *производного значения*. Отказ от догмы о том, что значение аргументирующего философского текста относится к одному и только одному типу, устраняет противоречие между позициями контекстуализма и апроприационизма, и, тем самым, устраняет основания для их спора, делает их взаимную критику не достигающей цели.

Итак, в первой главе решена первая задача диссертационного исследования, и, тем самым, обосновано первое положение, выносимое на защиту. А именно, *была обоснована возможность использования современного концептуального аппарата при интерпретации философских текстов других эпох без приписывания философам прошедших эпох убеждений, которых они не могли придерживаться. Для обоснования этой возможности построена согласительная методология историко-философского исследования, устойчивая к взаимной критике контекстуалистов (Р. Рорти, Р. Козелик, Дж. Поккок, Кв. Скиннер, М. Бивир, Дж. Г. Рэнделл) и апроприационистов (Б. Рассел, Дж. Пассмор, Дж. Беннетт и др.), а также позволяющая согласовать их кажущиеся трудносочетаемыми требования к историко-философскому исследованию.*

Результаты, полученные в первой главе, использованы в последующих главах. А именно, обоснованная в первой главе возможность построения производного значения позволила нам привести в следующих главах примеры

того, как такое значение можно начинать строить. В последующих главах показано, как такая интерпретация позволяет связать различные тексты различных школ, направлений и эпох, выстраивание которых как этапов в одной дискуссии не очевидно без назначения текстам только тех значений, которые признаются контекстуалистами. Однако в последующих главах представлены лишь первые шаги для построения *производного значения* некоторых сохранившихся фрагментов поэмы Парменида. Мы не пытались полностью построить описанную в первой главе модель, но стремились лишь обосновать плодотворность движения применения формальных методов для раскрытия *производных значений* аргументирующих текстов Парменида. *Производные значения* этих текстов в последующих главах конституируются аргументами Платона, Аристотеля, Секста Эмпирика, Плотина и других древнегреческих философов. Эти аргументы могут быть представлены как обобщение, поддержка или опровержение аргументов Парменида, или как какой-либо аргументированный отклик на них.

Во **второй главе** диссертации **«Интерпретации Парменида, его критика и способы ответить на неё»** решалась вторая задача диссертации. А именно, мы стремились *показать недостаточную обоснованность античных и современных интерпретаций строк поэмы Парменида, приписывающих ему тривиальные ошибки, для чего были предложены такие интерпретации обсуждаемых строк поэмы Парменида и резюмирующих позицию Парменида положений, в которых эти ошибки отсутствуют.*

Во второй главе мы проанализировали критику Парменида современными историками философии. Касаясь критики Л. М. Де Рейком рассуждения Парменида в 28 В 2 DK, мы показали, что в 28 В 2.3 DK нет некорректного вывода положения *«всё то, что актуально мыслится, существует»*. Это положение мы, в отличие от Л. М. Де Рейка, полагаем осмысленным и допустимым, поскольку мы не ограничиваем область парменидовского сущего только лишь реальными сущими. Напротив, мы

предложили трактовку «сущего» в поэме Парменида как «внутреннего объекта мышления».

Далее мы разобрали обвинение Парменида в «самореферентной непоследовательности». Это обвинение было предъявлено Пармениду Г. Оуэном и А. Мурелатосом. В соответствии с этим обвинением, Парменид часто утверждает в своей поэме, что не-сущее не может быть помыслено. Но как можно придать смысл утверждению «не-сущее не мыслится», если не наделять каким-то значением термин «не-сущее»? Но приписывание значения термину «не-сущее» при мышлении пропозиции *что не-сущее не мыслится* означало бы мышление не-сущего, что, в соответствии с признаваемым Парменидом положением «не-сущее не мыслится», невозможно.

Мы проинтерпретировали *положение Парменида* (или ПП) *не-сущее не мыслится* (подразумевается, что не-сущее не мыслится также и при мышлении пропозиции *что не-сущее не мыслится*) в виде ПП1 *не-сущее для какого-либо акта мышления низшего типа не мыслится им* (здесь «акт мышления низшего типа» есть акт мышления, о котором высказывается ПП1, отличный от акта мышления, которым мыслится пропозиция, выраженная в ПП1; '*не-сущее для акта мышления А*' трактуется как '*то, на что А не направлен*', или '*то, что не является интенциональным объектом акта А*'). Такое приписывание типов актам мышления позволяет избавить того, кто мыслит пропозицию, выражаемую ПП1, от необходимости наделять значением термин «не-сущее», или '*то, что не существует для акта мышления ПП1*'. Мыслящий эту пропозицию наделяет значением другой термин – «не-сущее для какого-либо акта мышления низшего типа». Видно, что ПП1 выражает достаточно известный и вполне «невинный» принцип интенциональности мышления.

Мы разобрали ещё несколько «ошибок», которые, по мнению современных исследователей, совершил Парменид. Мы показали, что подозрения в некорректном выводе и в использовании сомнительных положений устраняются, если (а) принять отстаиваемую Г. Оуэном экзистенциальную интерпретацию «ἔστι», «есть» в тех высказываниях поэмы

Парменида (28 В 2.3; 8.2; 8.9 DK), которые обычно трактуются как ПП, и которые ближе к греческому тексту могут быть записаны как ПП2 '*то, что не есть*' *не мыслится*, и (b) признать, что объектом мышления для Парменида является внутренний объект мышления, ментальный объект (как доказывают Г. Оуэн и Дж. Баррингтон), а не реальный объект (такова позиция М. Фёрта, и, по крайней мере, в некоторых отношениях, А. Мурелатоса и П. Кёрд). В случае принятия (a) и (b) открывается возможность трактовать ПП2 как довольно здоровое ПП1.

Признание (a) и (b) важно потому, что многие недостатки, приписываемые Пармениду современными исследователями, связаны с восходящей к Г. Калоджеро и пользующейся ныне широким признанием благодаря работам А. Мурелатоса копулятивной интерпретации «есть» в ПП2. В этом случае ПП2 трактуется как тезис о немыслимости предложений с «не есть» (т. е. о невозможности помыслить то, что такие предложения выражают), или как тезис *предложения вида «_не есть_» не мыслятся* (НЕНМ), если использовать способ записи А. Мурелатоса.

Копулятивная интерпретация играет важную роль в том, что А. Мурелатос именует «стандартной интерпретацией» (СИ) поэмы Парменида. С точки зрения СИ, то, что несуществующие вещи и положения дел не могут быть помыслены, выводится из НЕНМ. В СИ из НЕНМ выводится также немыслимость различий в сущем, его множественность или единство – обоснование чего является одной из главных целей рассуждения Парменида. Обоснование НЕНМ в СИ состоит в сведении предложения «*S не есть P*» к предложению «не существует такого положения дел, что *S есть P*», в котором речь идёт о не-сущем, а помыслить не-сущее невозможно.

Проблема с этим доказательством состоит в том, что, как было показано, ПП в исходном виде проблематично из-за самореферентной непоследовательности, и приемлемой версией ПП является ПП1, но, чтобы предложение «не существует такого положения дел, что *Φ*» было признано не мыслящимся актом мышления *A* на основании ПП1, его содержание должно

быть не-сущим для A , или тем, на что A не направлен. Но последнее недоказуемо на основании ПП1. Видно, что в обосновании немыслимости предложения «не существует такого положения дел, что Φ » неявно используется посылка о немыслимости *просто* не-сущего, а не не-сущего *для акта мышления* (т. е. ПП), а не ПП1. ПП понятно, если «сущим» признаются реальные объекты и положения дел. Но ПП сомнительно в силу выявленных выше трудностей с самореферентной непоследовательностью, а также в силу возможности мыслить ментальные объекты. Если Парменид признавал ПП, то его рассуждение является сомнительным, но этот недостаток вполне устраним, если принять (a), (b) и трактовать ПП2 не как НЕНМ, а как ПП1.

Нами были проанализированы и другие доводы, на основании которых, по А. Мурелатосу, Парменид мог признавать различные версии ПП2. Среди этих доводов – невозможность придать смысл отрицанию имени (например, «не-Итаке») – что, по А. Мурелатосу, связано с неразличением Парменидом функции имён общих и нарицательных, или с тем, что для Парменида мышление, речь и именование были неотделимы друг от друга. Эти доводы могут быть исторически весьма правдоподобны, но не делают обоснование тезиса Парменида философски интересным, поскольку звучат весьма наивно, что признал сам А. Мурелатос, назвавший Парменида сторонником «наивной метафизики вещей». Опять, если принять (a), (b), и трактовать ПП2 как ПП1, то сомнительные основания в его пользу ПП2, приводимые А. Мурелатосом, оказываются ненужными.

Существует группа современных интерпретаторов Парменида, которые обнаруживают у него «модальную ошибку» – Г. Оуэн, Дж. Барнс, Ф. Э. Льюис. Ошибка, с их точки зрения, совершается при выведении необходимого существования в 28 В 2; 6 DK. Для обоснования своей позиции указанные авторы представляют рассуждения Парменида на формальном языке модальной логики. Однако мы представили такую трактовку этих положений, которая не подразумевала бы вывода из « x существует» или « x возможно» положения « x существует необходимо», но признаёт содержанием рассматриваемых

указанными авторами строк поэмы Парменида всего лишь ПП1, и не приписывает Пармениду ни «модальных», ни других ошибок.

Мы разобрали тексты Платона (*Theaet.* 189b; *Soph.* 238c, 239a, 244c8–9, 256e, 260c), в которых Платон, как кажется, критикует Парменида. Было показано, что критика Платона не достигает цели, если принять нашу интерпретацию рассуждения Парменида, которая будет подробно проанализирована в главе III. Платон настаивает на том, что *содержание предложений вида «a≠b» успешно мыслится нами, что бы там ни говорил Парменид*. Таким образом, Платон атакует положение Парменида *«сущее есть единое (внутренне неразличимое и одно-единственное)»*. Например, Платон атакует положение Парменида о единстве сущего в *Soph.* 244c8–9, где указывается, что имеется по меньшей мере два различных сущих – имя «сущее» и имя «единое». Однако в нашей трактовке соответствующих строк из поэмы Парменида (подробно описанной в главе III) положение Парменида о единстве сущего трактуется как *конституенты сложного внутреннего объекта мышления удовлетворяют специфическому критерию тождества*. В такой трактовке вывода Парменида нет запрета на то, чтобы субъект *приписывал* абстрактным объектам отношение различия, или на то, что интенциональные объекты какого-либо акта мышления *кодируют* отношение различия. Более подробно, мы указали способ преодоления критики Платона с использованием концептуального аппарата теории абстрактных объектов Э. Залты. Мы приняли, что каждый ментальный объект того, кто мыслит пропозицию о нём, является абстрактным объектом (по Э. Залте), *кодирующим* характеристики, приписываемые ему тем, кто мыслит эту пропозицию; при этом абстрактный объект может не только *кодировать*, но также и *экземплифицировать* характеристики, но *экземплифицируемые* абстрактным объектом характеристики не учитываются при решении вопроса о том, совпадают ли друг с другом ментальные объекты.

Применяя подход Э. Залты, мы можем изложить позицию Парменида следующим образом. Пусть имеются абстрактные внутренние объекты

некоторого акта мышления. Эти объекты вполне могут быть названы мыслящимися как различные, т. е. кодирующими в акте мышления отношение различия. Так, при мышлении понятий, выражаемых терминами «единое» и «сущее», эти понятия допустимо мыслить как различные (этого требует Платон). Эти объекты могут быть названы парменидовскими сущими (т. е. они экземпляфицируют бытие парменидовскими сущими). И эти объекты «едины» в том смысле, что все объекты этого акта мышления экземпляфицируют тождественность друг с другом (этого требует положение Парменида о единстве сущего). Таким образом, удовлетворено и требование Парменида об абсолютном единстве сущих как внутренних объектов какого-либо акта мышления, и требование Платона о том, что некоторые сущие должны мыслиться как различные.

Аналогично может быть блокирована атака Аристотеля на положение Парменида о единстве сущего в *Phys. A, 3*, где Аристотель основывает свою критику на необходимости мыслить как различные значения подлежащего и значения сказуемого при мышлении содержания сингулярного субъектно-предикатного предложения, в частности, предложения «*сущее есть единое*».

Итак, во второй главе мы продемонстрировали, что такая интерпретация Парменида, которая была бы достаточно доброжелательна по отношению к нему, не приписывая ему тривиальных ошибок, до сих пор не предложена, что показывает оправданность работы по созданию такой интерпретации в следующей – третьей – главе. Выполненный во второй главе анализ критики положений Парменида показывает, что вторая задача диссертации решена, и, тем самым, обосновано второе положение, выносимое на защиту. А именно, было установлено, что *использование для формализации аргументов Парменида против множественности сущего современных технических средств (таких, как теория абстрактных объектов Э. Залты) позволяет заблокировать современную (у А. Мурелатоса, Г. Оуэна, Дж. Барнса, Э. Ф. Льюиса) и античную (из Theaet. 189b и Soph. 238c–260c Платона, Phys. A,*

3 Аристотеля) критику корректности этих рассуждений Парменида и критику входящих в эти рассуждения положений.

В третьей главе диссертации **«Первая линия аргументации в пользу немножественности сущего в поэме Парменида»** решалась первая часть третьей задачи диссертации. Третья задача диссертации формулируется следующим образом: *построить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего, встраивающую его рассуждения в современные философские дискуссии*. В настоящей главе мы строили интерпретацию, удовлетворяющую указанным условиям. Место этой интерпретации в современных (как, впрочем, и античных) философских дискуссиях обсуждалось в следующей – четвёртой – главе.

Указанную интерпретацию мы называем *Первой линией аргументации против множественности сущего* (ПЛ), которую мы обнаруживаем в 28 В 2–8.48 DK поэмы Парменида. В ПЛ используется версия *Холистического допущения*. *Холистическое допущение* может быть записано в нескольких формулировках: одна часть целого обладает любой из своих характеристик тогда и только тогда, когда каждая часть этого целого обладает всеми своими характеристиками; части целого существуют тогда и только тогда, когда существуют это целое и все его части; пропозиции о двух любых частях некоторого целого *a* и *b* имеют истинностное значение только *все вместе*, и не имеют его по отдельности. В той версии ПЛ, которую мы ассоциируем с поэмой Парменида, рассматриваемым «сущим» является внутренний объект акта мышления (ВОМ), являющийся ментальным объектом, и именно ВОМ является тем целым, для которого записывается используемая версия *Холистического допущения*. Целью ПЛ является получение вывода *конституенты ВОМ неразличимы* (КН). Для того чтобы обосновать КН, используется версия *Холистического допущения* вместе с версией *Критерия неразличимости конституент ВОМ*, утверждающего, что конституенты ВОМ неразличимы, если и только если они могут мыслиться каждым мыслящим их

актом мышления лишь все вместе. Наша трактовка «сущего» (τὸ ἑόν) у Парменида как ВОМ основывается на использовании Парменидом «ноэмы» (νόημα) или *‘того, что мыслится’* в 28 В 8.34 DK, и на сходных трактовках у Дж. Баррингтона и Г. Оуэна.

Мы предложили три трактовки ПЛ – т. е. три способа обоснования КН – в 28 В 8.22–25; 8.45–48 DK. Во всех случаях доказываемся, что если мышление, направленное на сложный ВОМ, вообще возможно, то конstituенты этого ВОМ неразличимы друг с другом. Выделение этих трёх трактовок ПЛ обусловлено тем, что можно предложить три типа конstituент ВОМ. В первой трактовке конstituентами ВОМ являются пропозиции, задающие целый ментальный объект. Во второй трактовке конstituентами ВОМ являются ментальные индивиды, являющиеся аргументами пропозициональных функций, значением которых являются пропозиции, задающие ментальный сложный (целый) объект. В третьей трактовке конstituентами ВОМ могут быть и указанные пропозиции, и индивиды, и ментальные отношения между индивидами. В нашей формализации использовалась нотация с оператором мышления, используемая в некоторых доксистических логиках. Кроме того, наш способ записи опирался на способ записи в *Теории абстрактных объектов* Б. Лински и Э. Залты, поскольку мы трактуем внутренний объект мышления как абстрактный объект.

Как мы уже отметили, в ПЛ обоснование КН, состоит в выведении этого положения из двух положений: (1) *конstituенты ВОМ могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе* и (2) *конstituенты ВОМ неразличимы, если и только если они могут мыслиться каждым мыслящим их актом мышления только все вместе*.

Мы указали, что вариант положения (1) эквивалентен частному случаю версии *Холистического допущения* в версии (3) *какая-либо конstituента первого целого отличается от каждой конstituенты второго целого если и только если каждая конstituента первого целого отличается от каждой конstituенты второго целого для целых, являющихся внутренними*

объектами мышления. В свою очередь, (3) может быть получено из *Холистического допущения* в версии (4) любая конституента целого соотнесена с каждой из конституент этого целого и определяется (характеризуется, идентифицируется) через её собственные свойства, а также через её отношения с каждой из конституент этого целого – и Закона Лейбница (в версии для ВОМ). Формальное представление положений (1)–(4) и Закона Лейбница (два объекта тождественны друг другу, если и только если все их характеристики совпадают) в версии для ВОМ – с использованием аппарата доксистической логики и теории абстрактных объектов Э. Залты – позволило нам показать законность рассуждения о ментальных объектах или ВОМ, поскольку для них удалось явно прописать условие тождества, и тем самым сделать их удовлетворяющими критерию У. Куайна *No entity without identity*.

В результате изучения рассуждения Парменида в поэме и критических работ современных учёных, посвящённых его интерпретации, мы представили такую интерпретацию рассуждения Парменида из 28 В 8.22–25; 8.45–48 DK, в которой для обоснования единства или «неделимости» сущего используется положение (1). «Неделимость» сущего утверждается, например, в οὐδὲ διαίρετόν ἐστιν (28 В 8.22 DK), и трактуется нами как КН.

Также мы показали, что для сложных объектов или «целых» – являющихся внутренними объектами мышления в нашей интерпретации рассуждения Парменида из 28 В 2 DK – положение (3) может рассматриваться в качестве подразумеваемого (и весьма здравого) основания для НЕНМ. Как мы упоминали выше, приписывавший это утверждение Пармениду А. Мурелатос предлагал только весьма спорные основания для НЕНМ. В отличие от А. Мурелатоса, мы трактуем НЕНМ как утверждение о невозможности для одних и тех же конституент присутствовать в сложных внутренних объектах актов мышления, если эти объекты различны. Таким образом, мы предложили интерпретацию НЕНМ в виде вполне приемлемого частного случая положения (3) в версии для ВОМ. Для того чтобы обосновать эту интерпретацию, мы истолковали отказ от «второго пути», описанного в 28 В 2.5 DK (ἢ δ' ὅς οὐκ

ἔστιν τε καὶ ὡς χρεὼν ἔστι μὴ εἶναι) как частный случай известного из других мест положения Парменида, заключающееся в том, что сущее «совершенно» (τέλειον – 28 В 8.4 DK; οὐκ ἀτελεύτητον – 28 В 8.32 DK; τετελεσμένον ἔστί – 28 В 8.42 DK). Это положение о «совершенстве» сущего мы истолковали в том смысле, что внутренний объект мышления может мыслиться только полностью, целиком, сразу весь. Это позволило нам проинтерпретировать отказ от «второго пути» как признание следующего положения: если один акт мышления наделяет объект мышления *о* характеристикой *P*, то никакой другой акт мышления (того же самого или другого субъекта) не будет наделять *тот же самый* объект *о* характеристикой *Q*, отличной от *P*. Это положение выводится из (3) в версии для ВОМ, и может рассматриваться как его частный случай.

Таким образом, нам удалось представить такую интерпретацию ключевых положений «Пути истины» из поэмы Парменида, в которой отсутствуют неприемлемые посылки и некорректный вывод.

Итак, в третьей главе была решена первая часть третьей задачи диссертации и, тем самым, было обосновано третье положение, выносимое на защиту. А именно, было показано, что *строки поэмы Парменида В 2.3–5; 8.4–48 могут быть проинтерпретированы в виде корректной и исходящей из достаточно здравых посылок ПЛ (где сущее трактуется как ВОМ, являющийся абстрактным объектом в смысле Э. Залты), и в которой используются: (а) допущение о холистическом характере ВОМ, и (б) критерий различия конституент ВОМ.*

Кроме того, принятый нами способ формализации ПЛ создаёт условия для сопоставления рассуждения Парменида с современными обсуждениями абстрактных объектов, объектов пропозициональных установок и ментального холизма. Связь ПЛ в принятой нами формализации с современными философскими дискуссиями показана в четвёртой главе.

В четвёртой главе диссертации «Аргументы, структурно схожие с ПЛ, у Протагора, Горгия, Платона, Секста Эмпирика и Плотина» решалась

вторая часть третьей задачи диссертации – *встроить доброжелательную и философски значимую интерпретацию аргументов Парменида против множественности сущего* (эта интерпретация была представлена в третьей главе) *в современные философские дискуссии*. Также в четвёртой главе решалась четвёртая задача диссертации – *разработать такие интерпретации ряда текстов древнегреческих философов после Парменида, в которых можно проследить случаи использования холистического допущения из нашей интерпретации аргументации Парменида против множественности сущего*.

В четвёртой главе был завершён анализ *Первой линии аргументации против множественности сущего*, начатый в третьей главе. Как было показано в третьей главе, в исходной, парменидовской версии ПЛ, используется вариант *Холистического допущения* (3) для целых, являющихся внутренними объектами мышления. В четвёртой главе была предложена трактовка некоторых тезисов Протагора, Горгия, Платона и Секста Эмпирика, в соответствии с которой разновидности или следствия (3) использовались также и этими философами, но уже не для обоснования немножественности сущего, а для своих собственных целей, при этом для указанных философов конституентами этих целых, помимо внутренних объектов мышления, являются: типы пропозициональных установок когнитивного субъекта; сам когнитивный субъект; его интенциональные акты; языки, используемые когнитивным субъектом для описания внутренних интенциональных объектов своих интенциональных актов.

Мы показали, что тезис Протагора о человеке как мере всех вещей может быть истолкован в виде тезиса *если два субъекта, постигающие две пропозиции, различны, то и сами эти пропозиции, и объекты, о которых идёт речь в этих пропозициях, тоже различны*, а эта формулировка является *Холистическим допущением* в версии (3) для холистического целого, содержащего познающего субъекта и всю его систему убеждений. Таким же способом нами был истолкован тезис Горгия «...никто не мыслит то же самое, что и кто-то другой» (MXG VI, § 26, 980b19).

Далее мы разобрали некоторые тексты Платона, где используется *Холистическое допущение* в версии (3). Например, в *Thaet.* 154a Платон пишет о том, что разным людям представляется разное (и даже одному и тому же человеку – если он в разное время находится в различных состояниях – *Theaet.* 159e–160a). Холистическим целым здесь также является вся система убеждений субъекта. Также нами было показано, что и в других платоновских текстах речь идёт о различных холистических целых, содержащих ментальные конституенты, удовлетворяющих (3) – *Parm.* 134d–e, *Soph.* 263a5–b8, *Euthydemus* 286a 5–7; 286b 4–7, *Laches* 198d 1–199a 4, *Meno* 79c, *Philebus* 18c.

Наш анализ некоторых рассуждений Секста Эмпирика также позволил предложить такую их интерпретацию, в которой Секст рассматривает частные случаи *Холистического допущения* в версии (3). Например, в *Adv. math.* VII, 305.1–307.1 Секст пишет, что видимое и слышимое невозможно рассудочно помыслить, т. е. признаёт, что внутренние объекты интенциональных актов различных познавательных способностей различны. Холистическое целое, удовлетворяющее (3), в этом случае содержит ментальный объект вместе с типом направленного на него интенционального акта. Также нами было показано, что и в других текстах Секста Эмпирика речь идёт о различных холистических целых, содержащих ментальные конституенты, удовлетворяющих (3) – *Adv. math.* VII, 344–345; VIII, 337, 6–9; *Pyrr.* II, 4.5–6.1; 70; 109; 144; 117.1–120.5.

Последним из античных философов, в аргументах которых мы искали явное или скрытое использование ими холистических допущений, был Плотин. Существует много свидетельств того, что Плотин трактовал мир Ума холистически. В отличие от рассмотренных выше античных философов, Плотин использует частные случаи *Холистического допущения* не в версии (3), а в версии (4). Этому допущению удовлетворяют, например, тезисы «[в Уме] ни одно не отделяется от другого» (V.9.5, 9–10); «“Все вместе” [сущие присутствуют] там [в Уме], но, тем не менее, различённые» (V.9.6, 3–4).

В конце четвёртой главы мы показали значимость рассмотренных рассуждений античных философов для современной философии, поскольку обсуждение холизмов различных типов продолжается до сих пор. Мы показали, что одно из следствий (3), которое можно сформулировать как *строгое (нумерическое) тождество интенциональных объектов различных субъектов или различных интенциональных актов невозможно*, обсуждается в дискуссиях о семантике пропозициональных установок (Г. Фреге, У. Куайн, Я. Хинтиikka, С. Крипке, Н. Сэлмон (N. Salmon), Р. М. Сэйнсбери (R. M. Sainsbury), К. Бах (K. Bach)), о *ментальном холизме* при анализе *Inferential Role Semantics* или *Conceptual Role Semantics* (Н. Блок (N. Block), М. Эсфельд (M. Esfeld), М. Харрелл (M. Harrel), Дж. Хил (J. Heal)), о *Проблеме интенционального тождества* (П. Гич (P. T. Geach), Э. Сааринен (E. Saarinen), С. Камминг (S. Cumming), Б. Йесперсен (B. Jespersen), Е. Г. Драгалина-Чёрная, В. Эдельберг). Другое из следствий (3) – *каждый объект, присутствующий в каком-либо возможном мире, присутствует в одном и только одном возможном мире* – обсуждается при анализе различных вариантов семантики возможных миров. Оно признавалось Г. В. Лейбницем, не использовалось длительное время развития семантики возможных миров в XX веке, но его значимость и выводимость из семантики для достаточно богатого языка, допускающего «бесконечноместные» предикаты, были продемонстрированы Я. Хинтииккой. И, конечно же, в современной философии широко обсуждается *Закон Лейбница* (см., например, работы Г. Фреге, Б. Мейтса (B. Mates), Д. Виггинса (D. Wiggins), Х. Ишигуро (H. Ishiguro) и др.), который, наряду с различными версиями *Холистического допущения*, мы также использовали для интерпретации рассуждений древнегреческих философов в четвёртой главе.

Проведённое в четвёртой главе исследование показало, что холистические допущения использовались не только Платоном (на что обратил внимание уже В. Харт (V. Harte)), но также и его предшественниками и последователями – от Парменида (которому были посвящены предшествующие главы II и III) до Плотина, – а также рядом современных философов. Это

позволило указать на возможность таких интерпретаций текстов названных философов, в которых эти допущения, их вариации и частные случаи имеют определяющее значение. Также большое значение для получения указанного результата имело использование современных концепций и технических средств для интерпретации античных философских текстов. Их использование помогло выявить такие логические связи между проблемами и тезисами философов, которые трудно обнаружить при других подходах к истории философии и интерпретации текстов. Тем самым был заложен фундамент для построения описанного в первой главе *производного значения* строк поэмы Парменида, выражающих аргументы против множественности сущего и посылки этих аргументов.

Итак, в четвёртой главе была решена вторая часть третьей задачи диссертации, и, тем самым, обоснован третий тезис, выносимый на защиту. А именно, было показано, что *ПЛ связывает Парменида с современным обсуждением допущения о холистическом характере ВОМ (являющегося абстрактным объектом в смысле Э. Залты) – с дискуссиями о корректной записи сообщений об убеждениях и ментальном холизме (К. Бах, Н. Блок и др.), о проблеме интенционального тождества (П. Гич, В. Эдельберг и др.) и о допустимости присутствия в двух возможных мирах совпадающих объектов (Я. Хинтиikka).*

Также в четвёртой главе была решена четвёртая задача диссертации, и, тем самым, обоснован четвёртый тезис, выносимый на защиту. А именно, было показано, что *возможна интерпретация некоторых текстов Протагора (тезис *homo mensura*), Горгия (MXG VI, §§ 23, 25, 26), Платона (Euthydemus 286a–b; Laches 198d–199a, Meno 79c; Thaet. 154a, 159e–160a; Parm. 134d–e; Soph. 263a–b), Секста Эмпирика (Pyrr. II, 4–6; 109; 117–120; 144; Adv. math. VII, 305–307; VIII, 337) и Плотина (V.9.5–6), в соответствии с которой положения, используемые в этих текстах, выводимы из вариаций используемого в ПЛ допущения о холистическом характере сложного объекта.*

В главах III и IV был очерчен способ практического построения того типа значения философских текстов для 28 В 1–8 DK Парменида, который мы назвали «производным значением» в главе I. Этот тип значения, согласно главе I, не претендует на раскрытие того, что Парменид думали «на самом деле», но помогает понять фрагменты Парменида через те философские дискуссии, с которыми интерпретации этих фрагментов логически связаны.

На основании результатов, полученных в четырёх главах диссертации, можно сказать, что все четыре задачи, которые требовалось решить для достижения цели, поставленной в диссертации, решены успешно, так что цель, поставленная в диссертации, достигнута. Тем самым решена *проблема нашего исследования*, которая была сформулирована нами в следующем виде:

можно ли сконструировать методологию историко-философского исследования, которая:

а) была бы устойчива к доводам, выдвигаемым друг против друга апроприационистами и контекстуалистами;

б) была бы способна показать свою работоспособность и преимущества при интерпретациях текстов Парменида, содержащих аргументы против множественности сущего, встраивающая эти аргументы в современные философские дискуссии, но не приписывающая Пармениду исторически недостоверных убеждений.

Мы решили эту проблему, сконструировав методологию, удовлетворяющую указанным условиям *а)* и *б)*. Тем самым мы подтвердили *гипотезу настоящего исследования*, которая состояла в том, что методология историко-философского исследования, удовлетворяющая условиям *а)* и *б)*, может быть построена.

Тема настоящей диссертации имеет значительные **перспективы** для её дальнейшей разработки. В настоящей диссертации мы не анализировали ВЛ, восходящую к Зенону Элейскому, лишь кратко её обрисовали и указали на возможную связь посылок ВЛ с посылками ПЛ. Выявление связей между ПЛ и ВЛ является перспективной темой дальнейших исследований, продолжающих

настоящее диссертационное исследование. Поскольку в диссертации были разобраны не все случаи использования ПЛ и ВЛ античными философами, возможным продолжением работы является анализ аргументов, структурно сходных с ПЛ и ВЛ в тех текстах, которые не рассматривались нами сейчас и обычно не привлекаются для выявления содержания аргументов против множественности Парменида и Зенона Элейского. Например, продолжением настоящего диссертационного исследования мог бы быть анализ знаменитых регрессов у Секста Эмпирика, а также регресс в начале трактата *О первых началах* Дамаския с целью выявления возможного структурного сходства этих аргументов с ВЛ. Кроме того, осталась неизученной возможность представления многочисленных случаев использования регрессов и холистических допущений в последующей философии – от средневековой до современной – в виде вариантов ПЛ и ВЛ. Изучение этих случаев поможет в понимании значимости рассмотренных в диссертации аргументов античных философов для современной философии, а также позволит обогатить *производное значение* соответствующих античных текстов.

В **Заключении** подведены итоги диссертационного исследования и определены перспективные направления дальнейшей научной работы.

Благодарности

Автор диссертации благодарен Марине Николаевне Вольф за инициирование обсуждения методологии истории философии в 2004 г. и совместную разработку такой методологии на протяжении последующих лет, без чего та авторская версия методологии, которая изложена в главе I, никогда не была бы создана, а также за обсуждение аргументов элеатов, софистов и Платона, что стимулировало написание последующих глав. Автор диссертации благодарен Евгению Васильевичу Борисову, Олегу Анатольевичу Доманову и Анне Юрьевне Моисеевой за многолетнее (начиная с 2012 г.) обсуждение в Томске и Новосибирске анализируемых в работе аргументов и их формального представления. Автор диссертации благодарен Евгению Викторовичу Орлову за обсуждение и разъяснение некоторых сложных мест у Аристотеля, и

Василию Павловичу Горану за научное консультирование. Автор диссертации благодарен всем участникам конференций, на которых состоялась апробация интерпретаций и подходов, изложенных в диссертации. Автор диссертации глубоко признателен Институту философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, а также Институту философии и права Новосибирского государственного университета, РГНФ, РФФИ и РНФ за поддержку исследований, нашедших отражение в диссертации.

Основные положения и результаты диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. **Берестов И. В.** Свобода в философии Плотина. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 382 с. 20,1 а.л.
2. **Берестов И. В.,** Вольф М. Н., Доманов В. А. Аналитическая история философии: методы и исследования / Под общ. ред. М. Н. Вольф. Новосибирск: Офсет ТМ, 2019. xviii, 242 с. 16,0 / 4,8 а.л.
3. Рационализм и иррационализм в античной философии / Горан В. П., Вольф М. Н., **Берестов И. В.,** Орлов Е. В., Афонасин Е. В., Бутаков П. А.; отв. ред. В. Н. Карпович. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 386 с. 25,0 / 4,4 а.л.

Статьи в журналах, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, доктора наук:

1. **Берестов И. В.** «Единство сущего» у Парменида как неразличимость конститuent *ноэмы* // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4 (32). С. 240–253. 1,0 а.л. (WoS)
2. **Берестов И. В.** *Regressus ad infinitum* в обосновании Зеноном Элейским множественности сущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4(16). С. 131–145. 1,2 а.л.

3. **Берестов И. В.** Аргументы Горгия Леонтийского как свидетельство философской значимости проблемы интенционального тождества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 259–268. 0,5 а.л. (WoS)
4. **Берестов И. В.** Берестов И. В. Связь аргумента Зенона Элейского из В 2.3 DK с современной семантикой и платоновским *περίτροπή* // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 54–62. 1,0 а.л. (WoS)
5. **Берестов И. В.** Внутренние объекты мышления у Парменида и Платона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 4. С. 86–98. 1,0 а.л.
6. **Берестов И. В.** Возможные посылки Парменида: (1) проблема двух способов существования – интерпретация Л. М. Де Рийком фрагмента В 2.3 DK // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т. 6, вып. 2. С. 130–137. 0,6 а.л.
7. **Берестов И. В.** Возможные посылки Парменида: (2) проблема двух способов существования – принципиальная осмысленность фрагмента В 2.3 DK // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 6, вып. 3. С. 145–151. 0,6 а.л.
8. **Берестов И. В.** Возможные посылки Парменида: (3) проблематичность интерпретации сущего у Парменида как того, что существует вне мысли // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 1. С. 129–134. 0,6 а.л.
9. **Берестов И. В.** Возможные посылки Парменида: (4) проблема двух способов существования – свидетельства из поэмы в пользу «существования в мышлении» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 2. С. 85–95. 1,0 а.л.
10. **Берестов И. В.** Возможные посылки Парменида: (5) некоторые парадоксы в «непарменидовских» подходах к существованию // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 3. С. 89–102. 1,4 а.л.

11. **Берестов И. В.** Возможные посылки Парменида: (6) доводы в пользу непреодолимой парадоксальности посылок Парменида // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, вып. 4. С. 90–96. 1,5 а.л.

12. **Берестов И. В.** Возможные посылки Парменида: (7) «два способа мышления» как способ преодоления парадоксальности самореферентных положений у Парменида // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 1. С. 125–139. 1,5 а.л.

13. **Берестов И. В.** Возможные посылки Парменида: (8) достоинства и недостатки «разведения способов мышления» в интерпретациях фрагментов его поэмы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 8, вып. 2. С. 82–88. 0,6 а.л.

14. **Берестов И. В.** Возможные посылки Парменида: (9) обоснование немыслимости различий «правильным» мышлением через признание соотнесённости акта мышления и *‘того, что мыслится’* // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2010. Т. 8, вып. 4. С. 119–127. 0,9 а.л.

15. **Берестов И. В.** Дефект в теории передачи форм Аристотеля и Фомы Аквинского // Вестник Томского государственного университета. 2019. Т. 439. С. 73–84. 1,4 а.л. (WoS)

16. **Берестов И. В.** Довод *regressus ad infinitum* в обосновании множественности сущего у Парменида и Зенона Элейского // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 1. С. 82–111. 3,0 а.л.

17. **Берестов И. В.** Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть I: постановка проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2018. Вып. 436. С. 69–81. 1,7 а.л. (WoS)

18. **Берестов И. В.** Использование семантики В. Эдельберга в методологии истории философии. Часть II: Типы значений терминов // Вестник

Томского государственного университета. 2019. Вып. 438. С. 62–73. 1,7 а.л. (WoS)

19. Берестов И. В. Может ли Аристотель решить Парадокс Менона для случая поиска вида? // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33, вып. 4. С. 446–455. 0,8 а.л. (Scopus, WoS)

20. **Берестов И. В.** Новый элеатизм: можно ли придать вес аргументам «против множественности» Зенона Элейского? // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 33–43. 1,0 а.л.

21. **Берестов И. В.** Принцип «неразличимости тождественных» в парменидовском обосновании немыслимости множественности и различий в сущем // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9, вып. 3. С. 135–144. 1,0 а.л.

22. **Берестов И. В.** Способы представления некоторых аргументов Зенона Элейского «против множественности» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. №4(28). С. 219–233. 1,0 а.л.

23. **Берестов И. В.** Сущее как интенциональный объект мышления и «единство сущего» у Парменида // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2015. № 4. С. 23–36. 1,0 а.л.

24. **Берестов И. В.** Уникальность объектов в возможных мирах Г. В. Лейбница // Идеи и идеалы. 2017. № 2(32), т. 1. С. 61–74. 1,1 а.л.

25. **Берестов И. В.** Холистические предпосылки в третьем аргументе трактата Горгия «О не-сущем» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. №4 (36). С. 28–38. 0,7 а.л. (WoS)

26. **Берестов И. В.** Элеатовские аргументы против множественности сущего в концепции мира Ума Плотина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 4. С. 123–133. 1,1 а.л.

27. **Берестов И. В.** Эпистемический холизм в 28 В 2 DK Парменида и в «Евтидеме» Платона // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2015. Т. 13, вып. 2. С. 104–114. 1,0 а.л.

28. **Берестов И. В.** Эпистемологические основания «аргумента третьего человека» в «Пармениде» Платона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Том 15, вып. 3. С. 27–41. 1,0 а.л.

Публикации в научных журналах, индексирующихся в Scopus и/или WoS, но не входящие в Перечень ВАК:

1. **Берестов И. В.** Парменидовские предпосылки в *homo mensura* Протагора // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. Т. 10, вып. 2. С. 659–670. 0,5 а.л. (Scopus, WoS)

2. **Берестов И. В.** Почему Парадокс Менона более упорен, чем это предполагает решение Аристотеля? // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2017. Т. 11, вып. 2. С. 505–514. 0,6 а.л. (Scopus, WoS)

3. **Берестов И. В.,** Тихонов А. В. Логическая структура эпикурейского возражения скептикам из *Adv. Math.* VIII, 337. Scholē: Философское антиковедение и классическая традиция. 2018. Т. 12, вып. 2. С. 659–668. 0,5 / 0,25 а.л. (Scopus, WoS)

4. Вольф М. Н., **Берестов И. В.** Проблемный подход к исследованию древнегреческой философии // ΣΧΟΛΗ (Scholē). Философское антиковедение и классическая традиция. 2007. Том I, вып. 2. С. 203–246. 2,5 / 1,25 а.л. (WoS)

Публикации в прочих научных журналах:

1. **Берестов И. В.** Эпистемический холизм: Протагор, Горгий и Платон // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2016. Т. 2, вып. 1–2. С. 22–38. 1,5 а.л.

2. Вольф М. Н., Бутаков П. А., **Берестов И. В.** Аналитическая история античной философии // Sententiae. 2013. 1 (28). С. 96–108. 1,0 / 0,3 а.л.

Публикации в сборниках научных статей:

3. **Берестов И. В.** Бесконечный регресс в *Met. Z*, 17 и проблематичность единства составного объекта // Аристотелевское наследие

как конституирующий элемент европейской рациональности. Материалы Московской международной конференции по Аристотелю. Институт философии РАН, 17–19 октября 2016 г. / Под общ. ред. В. В. Петрова. М.: Аквалон, 2017. С. 121–137. 1,1 а.л.